Литературные страницы

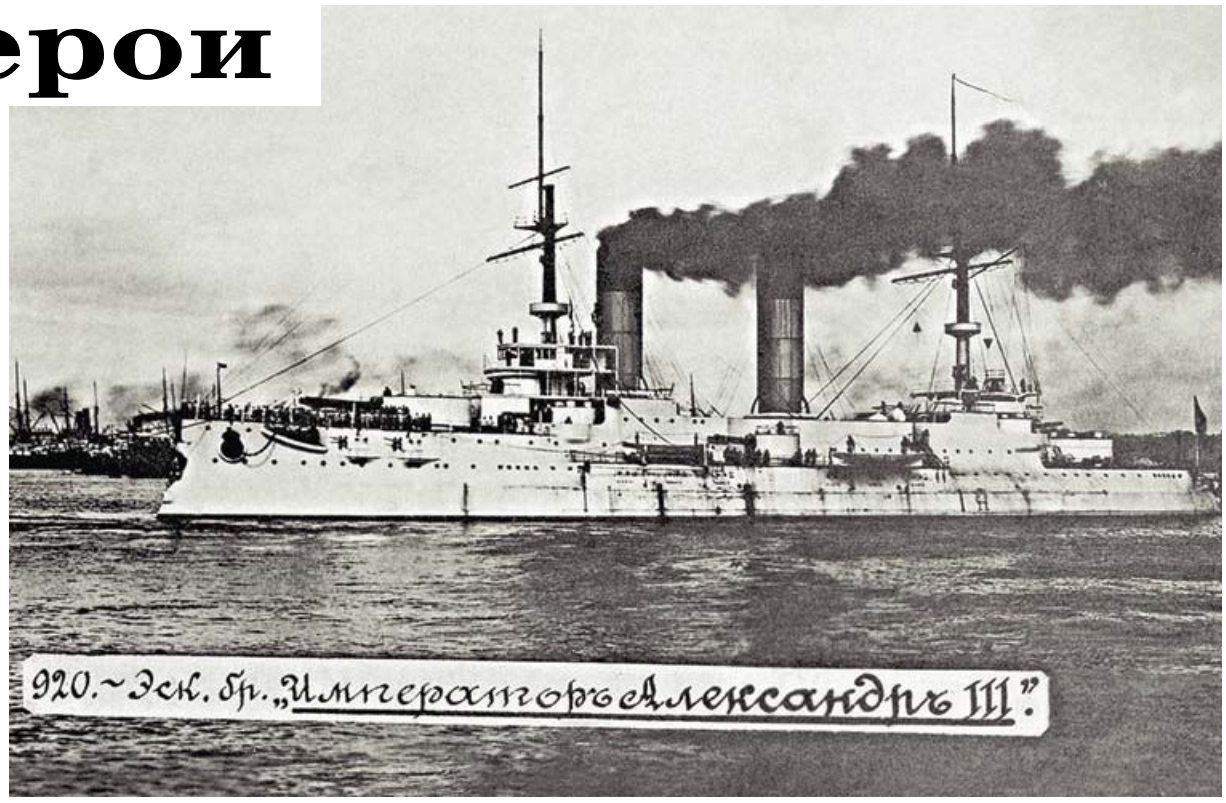
Приложение к № 52 газеты «Великолукская правда»

Страницы истории

К 118-й годовщине Цусимского сражения в Русско-японской войне 1904-1905 гг.

Забытые герои

Прошло 118 лет со дня одного из самых величайших морских сражений мировой истории. Цусима - это же и величайшая трагедия Русского флота, но это сражение показало всему миру и примеры стойкости, мужества, самоотверженного служения Вере и Родине. Но в Корейском проливе у далекого острова Цусима судьбу легендарного крейсера «Варяг» довелось повторить многим кораблям Второй эскадры флота Тихого океана.



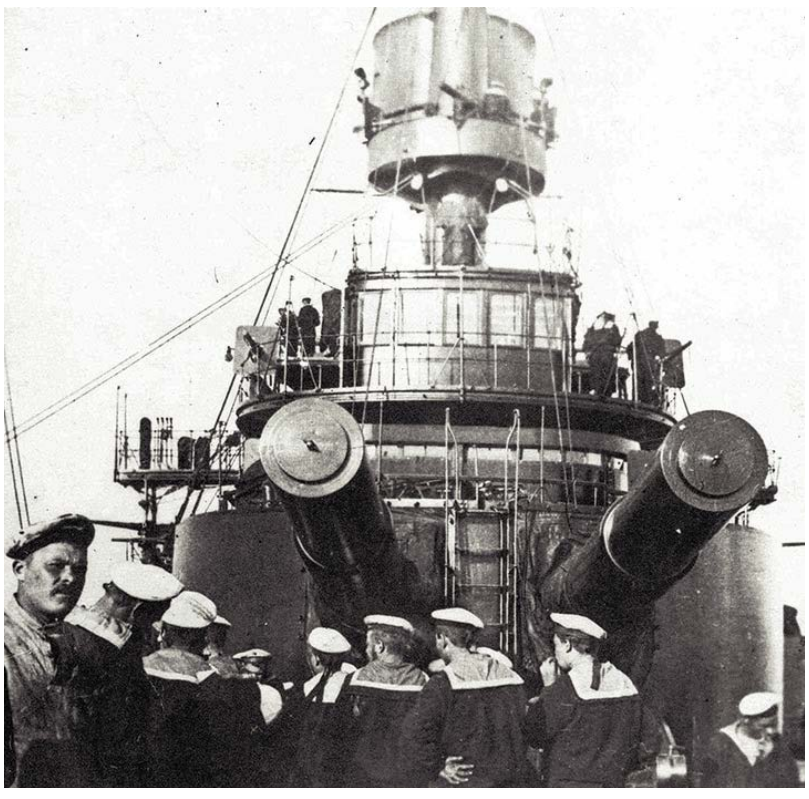
Всегда, во все времена мерилом нравственности в России были Пушкин, Крылов Некрасов, Тютчев, Гоголь, Симонов, Шолохов, Твардовский. На подвигах Александра Невского и Михаила Кутузова, адмиралов Нахимова, Корнилова и Истомина, Королева и Курчатова, Чкалова и Гагарина, Покрышкина и Кожедуба воспитывался весь наш народ.

В 90-х, когда было разрушено наше великое государство, один из первых ударов был нанесен по культуре, людям, которые олицетворяли нравственность, героизм, любовь к Родине. Произошло уничтожение героев, живых и мертвых. Оболгали Александра Матросова, Николая Гастелло, Зою Космодемьянскую, Аркадия Гайдара, пионеров-героев, панфиловцев, пытались бросить тень на нашего земляка Александра Попова. В наше время произошла ломка человеческого сознания. Юноша, выросший на рассказах Симонова, Кассиля, Барто, Маршака, Диковского, Журбы, Фадеева о подвигах во имя Родины во время войны, - это один человек, а воспитанный на книге Дейла Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на других» - совсем другой.

Недопустимо и забывать героев, отдавших свои замечательные жизни во имя жизни и счастья будущих поколений. Совершенно неважно, в какую эпоху это было. Мы говорим о военно-патриотическом воспитании нашей современной молодежи. Это крайне необходимо, и сделано в этом направлении немало. Но нужно, чтобы вопросами патриотизма, любви к Родине занимались в комплексе и семья, и школа, и общественные организации, и средства массовой информации. Нужна активная, целенаправленная, правдивая работа по изучению истории нашего государства. Может, тогда станет чуть меньше хулителей нашего прошлого? Люди старшего поколения явно помнят подвиг офицеров и матросов с крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец». Уж кинофильм «Крейсер Варяг» точно помнят. И фамилии командиров - капитана 1-го ранга В.Ф. Руднева и капитана 2-го ранга Г.П. Беляева тоже помнили. А кто знал о героях Цусимы, об их подвиге? Думаю, что немногие.

Прошло 118 лет со дня одного из самых величайших морских сражений мировой истории. Цусима - это же и величайшая трагедия Русского флота, но это сражение показало всему миру и примеры стойкости, мужества, самоотверженного служения Вере и Родине. Но в Корейском проливе у далекого острова Цусима судьбу легендарного крейсера «Варяг» довелось повторить многим кораблям Второй эскадры флота Тихого океана.

Я хочу вернуться к тем событиям нашего героического прошлого. Рассказать о мужестве, стойкости и любви к России офицеров и матросов 2-й Тихоокеанской эскадры адмирала З.П. Рожественского, которые не склонили свои головы перед более сильным и технически вооруженным неприятелем. А начну свой рассказ с показа всех командиров кораблей, погибших в Цусимском проливе вместе со своими боевыми кораблями, не опустив перед врагом гордый Андреевский флаг:



1. Командир броненосца «Князь Суворов» капитан 1-го ранга В.В. Игнациус.
2. Командир броненосца «Император Александр III» (с гвардейским экипажем на борту) капитан 1-го ранга Н.М. Бухвостов, наш земляк, из-под Новоржева.
3. Командир броненосца «Бородино» капитан 1-го ранга П.И. Серебренников.
4. Командир броненосца «Орел» капитан 1-го ранга Н.В. Юнг. Умер от ран.
5. Командир броненосца «Ослябя» капитан 1-го ранга В.И. Бэр.
6. Командир броненосца «Сисой Великий» капитан 1-го ранга М.В. Озеров. Тяжелораненый попал в плен, умер.
7. Командир броненосца «Наварин» капитан 1-го ранга барон Б.А. Фитингоф.
8. Командир броненосца «Адмирал Ушаков» капитан 1-го ранга В.Н. Миклуха-Маклай.
9. Командир крейсера «Адмирал Нахимов» капитан 1-го ранга А.А. Родионов. Оставался на мостике тонущего корабля с Андреевским флагом, выброшен напором воды после гибели крейсера на поверхность океана.
10. Командир крейсера «Аврора» капитан 1-го ранга Е.Р. Егорьев.
11. Командир крейсера «Светлана» капитан 1-го ранга С.П. Шеин.
12. Командир крейсера «Дмитрий Донской» капитан 1-го ранга И.Н. Лебедев. Умер от ран.
13. Командир миноносца «Блестящий» капитан 2-го ранга А.С. Шамов.
14. Командир миноносца «Громкий» капитан 2-го ранга Г.Ф. Керн.
15. Командир миноносца «Безупречный» капитан 2-го ранга И.А. Матусевич.
16. Командир транспорта «Камчатка» капитан 2-го ранга А.И. Степанов.

Сегодня хотелось бы рассказать о броненосце «Император Александр III». Это был корабль, на борту которого находился гвардейский экипаж - элита русского императорского флота. Этим кораблем командовал тот, имя которого должно войти в длинный список лихих командиров Российского Императорского флота, отличившийся в течение славной истории этого флота. Им был капитан 1-го ранга Николай Михайлович Бухвостов. Потомок одного из первых солдат - гвардейцев Преображенского полка, которые были также первыми моряками русского флота. Вспоминается его ответное слово на торжественном банкете, устроенном в нарядно убранной кают-компании броненосца перед уходом на Дальний Восток. После напыщенных тостов, хвастливого бряцания оружием, бравурных пожеланий победы русского оружия тех, кто сами в войне не участвовали, и шумных оваций Бухвостов кратко и скромно сказал: «Вы желаете нам победы. Нечего говорить, как мы ее желаем... Но заодно я ручаюсь - мы все умрем, но не сдадимся». И Бухвостов свое обещание выполнил так, как никто другой не мог сделать лучше.

«Император Александр III» возглавил эскадру в самый критический момент боя, когда флагманский корабль адмирала Рожественского вышел из строя, и эскадра осталась без управления. На «Александре III» сосредоточила свой огонь не половина японского флота, а все 12 броненосцев, так как после гибели «Осляби» вторая половина вражеского флота обрушилась на смелый русский корабль. Бухвостов смело маневрировал кораблем, защищая корабли эскадры от огня японских броненосцев. Борта «Александра» были избиты, разрушены все мостики, горели рубки, но трубы и мачты еще стояли. Японские снаряды падали и взрывались в различных местах корабля. Броненосец терпел бедствие, увеличился его крен, но его артиллерия продолжала стрелять по японцам… Не прекращая стрельбу, израненный броненосец опрокинулся. Было видно, как герои-гвардейцы бросаются в воду, но, увидев, что их опрокинувшийся корабль не тонет, они начали вылезать на его днище, цепляться за водоросли и ракушки, которыми за долгое плавание в тропических морях покрылась подводная часть броненосца, и в последней надежде сохранить жизнь махать руками по направлению к уходящим от них броненосцам. Слезы стояли в глазах команд этих броненосцев при расставании с ними, но бой шел дальше, их корабли уже обстреливались не только японскими броненосцами, но и японскими крейсерами, которые в это время приближались с юга.

Скоро днище «Александра III» скрылось в набежавших волнах. Еще долго плавали люди, обломки дерева, пояса и койки. В сгустившихся сумерках проскользнули черные тени японских крейсеров. Ни один из них не остановился.

Ночь спустилась. Никто не спасся из девятисот чинов гвардейского экипажа, составляющих команду этого героического корабля. Никто не расскажет о геройстве их командира - капитана 1-го ранга Бухвостова, его офицеров, кондукторов и матросов. Некому поведать, какую драму они пережили и каким страданиям они были подвергнуты в течение пятичасового боя с неприятелем и с огнем и еще более долгого боя с ледяной водой. Их геройство осталось безымянным.

Еще очень хочется сказать о героях крейсера «Светлана». В Цусимском сражении корабль получил тяжелые повреждения и погиб в бою с японскими крейсерами «Отова» и «Ниитака». В бою «Светлана» израсходовала все снаряды, и японцы расстреливали беззащитный крейсер в упор.

Погибли старший офицер корабля капитан 2-го ранга А.А. Зуров и все время находившийся на мостике командир крейсера капитан 1-го ранга С.П. Шеин.

(Окончание на стр. 6-7)

Командир крейсера «Светлана» капитан 1-го ранга С.П. Шеин. Погиб вместе со своим кораблем

Командир эскадренного броненосца «Орёл» капитан 1-го ранга Н.В. Юнг. Умер от ран на броненосце. Похоронен в море

Командир эскадренного броненосца «Бородино» П.И. Серебренников. Погиб вместе со своим кораблем

Командир эскадренного броненосца «Наварин» капитан 1-го ранга Б.А. Фитингоф. Погиб вместе со своим кораблем

Командир броненосца береговой обороны «Адмирал Ушаков» капитан 1-го ранга В.Н. Миклуха-Маклай. Погиб вместе со своим кораблем

(Окончание. Начало на стр. 5)

К 11 часам крейсер лег на левый борт так, что верхняя палуба начала входить в воду. В таком положении, со сбитыми стеньгами и задней трубой, но поднятым кормовым флагом, «Светлана» погрузилась на глубину 600 метров. Утонуло и умерло от ран в плену 167 моряков.

В честь корабля, погибшего в Цусимском сражении, был назван крейсер, заложенный 11.11.1913 на Русско-Балтийском заводе.

Да, с военной точки зрения Цусима стала разгромом. Но с точки зрения духовной русские моряки не склонили свои головы перед врагом и вышли победителями. В 1941 г. русские матросы и офицеры духовно и незримо стояли на страже Дальневосточных земель Руси. Как бы давая понять японцам, что их ждет, если они пойдут войной на СССР, и японцы помнили доблесть русского оружия, так помнили, что в 1941 предпочли в противники вместо СССР, который вел труднейшую войну с Германией, две мощнейшие державы Тихого океана - США и Англию.

Вот что говорили очевидцы этого сражения:

«Мичман князь Ясон Константинович Туманов командовал шестью орудиями калибра 75-мм на эскадренном броненосце «Орел». Он смотрит на Цусиму глазами двадцатилетнего юноши-мичмана и таких же его сверстников в том же звании. Когда только приближался японский флот, он и мичман Сакеллари обменялись фразами: «Вот, вот «они» все, - и я увидел моего приятеля высунувшимся в один из портов своей батареи и смотрящим куда-то вперед. - Тебе, значит, начинать, сказал я, присоединяясь к нему и высовываясь тоже наружу, чтобы рассмотреть, что творится в море». Орудия, которыми командовал Я.К. Туманов, не могли стрелять дальше тридцати кабельтовых, (5550 м), поэтому невольно он стал следить за сражением, хотя батарея его находилась внизу, и оттуда он мало что мог увидеть. Так, наблюдая из открытого орудийного порта, видел он, как рядом с его броненосцем падали и взрывались тяжелые 12-дюймовые японские снаряды, прозванные в Русском флоте «чемоданами» за их разрушительную силу. Когда его батарея открыла огонь и начала вести огонь по японскому броненосцу «Шикишима», было трудно различать всплески от падения своих снарядов. «Что же мне оставалось делать? - пишет Я.К. Туманов - Приостановить стрельбу, выжидая более благоприятных обстоятельств? Такая мысль пришла было на мгновение мне в голову, но я ее сейчас же отбросил, ибо мне показалось чудовищно жестоко обрекать на бездействие 5 людей».

Судовой врач крейсера «Аврора» Владимир Семёнович Кравченко повествует о Цусиме как бы с двух ракурсов, описывая общий ход сражения и участие в нем крейсера, где он служил. Первым погибшим броненосцем в боевой линии русских кораблей был «Ослябя». Владимир Семенович так пишет о его гибели: «Занятые своим боем, бессильные помочь гибнущим 900 товарищам, мы видели все это и... не сошли с ума! Что творилось в душе у каждого в эти мгновения, никто не передаст словами! А наружно - никто не дрогнул, никто не выдал себя и не оставил своего дела. И, как прежде, по всей линии продолжался бой». Рассказывает он и о дерзком маневре крейсеров «Олегъ» и «Аврора», когда они пошли на помощь отставшему и подбитому броненосцу «Князь Суворов» и вступили в бой не только против двух броненосных крейсеров неприятеля («Ниссин» и «Касуга»), но и вели бой с десятью бронепалубными крейсерами японцев. На крейсере «Аврора» глазами автора можно увидеть дальномерный пост невозмутимого немца Э.Г. Берга, который, стоя под градом осколков, определял расстояние до кораблей неприятеля. Видит В.С. Кравченко и хладнокровные действия комендоров, которые из-за поврежденного в бою дальномера и под шквальным огнем противника «Не зная расстояния, не видя своих попаданий... все-таки при таких из рук вон неблагоприятных условиях умудрялись попадать». Устами В.С. Кравченко мы слышим из уст раненого мичмана В.В. Яковлева, которого чуть не силой волокли на перевязочный пункт, слова мольбы, обращенные к комендорам: «Братцы, цельтесь хорошенько!» Самой трагической утратой для крейсера была гибель командира корабля капитана 1-го ранга Е.Р. Егорьева. Вот как об этом вспоминал В.С. Кравченко: «Я нагнулся к нему, приказав убрать со стола бедного мичмана, которому еще только разрезали одежду, и, сняв тужурку, открыл лицо Евгения Романовича. На нем играла обычная, слегка насмешливая улыбка. Мне не хотелось верить, и я окликнул его: «Евгений Романович! Евгений Романович!» В целом, глазами В.С. Кравченко мы видим геройское поведение команды, от кочегара до командира. Затем, во время отступления крейсерского отряда на юг, в Манилу, Владимир Семёнович впервые в мире использует аппарат Рентгена в морских условиях и тем спасет и облегчит страдания многих раненых. Это важно еще и тем, что крейсер «Аврора» знаменит не только своим холостым выстрелом в 1917 году, но и участием в Цусимском морском сражении, где русские моряки показывали чудеса храбрости, в паре с «Олегом» ведя бой против 10-12 вражеских крейсеров. Крейсер «Аврора» и по сей день стоит как корабль-музей у Петроградской набережной в Санкт-Петербурге. И стоит помнить не только об участии крейсера в революционных событиях 1917 года в Петрограде, но и о доблестном участии крейсера в Цусимском бою, на котором погиб его доблестный командир, капитан 1-го ранга Евгений Романович Егорьев, выдающийся моряк своего времени.

В наш рассказ хотелось бы включить еще одного необыкновенного человека, ученого, исследователя Арктики, героя Цусимы, капитана 2-го ранга Николая Николаевича Коломейцева.

В 1887 году Коломейцев окончил Морское училище, после чего прошел годичный курс в Кронштадтской астрономической обсерватории. Многие годы он занимался гидрографическим описанием Белого моря, работая в съемочной партии Беломорской гидрографической экспедиции, исследовал устье Енисея. С 1897 по 1899 год Коломейцев находился в запасе, плавал на судах Добровольного флота из русских европейских портов во Владивосток и обратно. Вернувшись на военную службу, Коломейцев получил назначение на строившийся в Филадельфии крейсер «Варяг».

С 1903 года Коломейцев командовал ледоколом «Ермак». Когда началась русско-японская война, Коломейцев отправился на Дальний Восток в составе эскадры вице-адмирала З.П. Рожественского. Он блестяще проявил себя в Цусимском сражении, когда, командуя миноносцем, спас штаб эскадры. За боевые действия его наградили золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Георгия 4-й степени. В наградном листе значилось: «За подвиг храбрости и самоотвержения, оказанный в бою 14-го мая 1905 года, в Цусимском проливе, когда, имея на вверенном ему миноносце «Буйный» около 200 человек, подобранных из воды при гибели броненосца «Ослябя», под градом снарядов подошел к объятому пламенем броненосцу «Князь Суворов» и снял с него командовавшего эскадрой.

После гибели миноносца Коломейцев находился на крейсере «Дмитрий Донской», получил тяжелое ранение и попал в плен.

В оставшееся до 1-й мировой войны время Коломейцев успел много сделать для России и как полярный исследователь, и как командир, и как педагог и воспитатель. Он участвовал в разработке технического задания на постройку ледокольного парохода типа «Таймыр» и планов будущей экспедиции в Северный Ледовитый океан, окончил Морскую академию и был ее профессором, командовал линкором «Слава». В годы Первой мировой войны в звании контр-адмирала Коломейцев командовал дивизией крейсеров на охваченной войной Балтике и Чудской озерной флотилией и оборонительными позициями по линии Псков - Нарва. В октябре 1917 года он был уволен по болезни в отставку в звании вице-адмирала.

В начале 1918 года Коломейцева арестовали и заключили в Петропавловскую крепость. После освобождения он эмигрировал в Финляндию, перейдя границу по льду Финского залива, а затем эмигрировал во Францию. До конца своих дней Коломейцев вел активную общественную работу: он состоял в Совете старейшин Всезарубежного объединения морских организаций, был вице-председателем Союза Георгиевских кавалеров, сотрудничал в русских и французских морских изданиях.

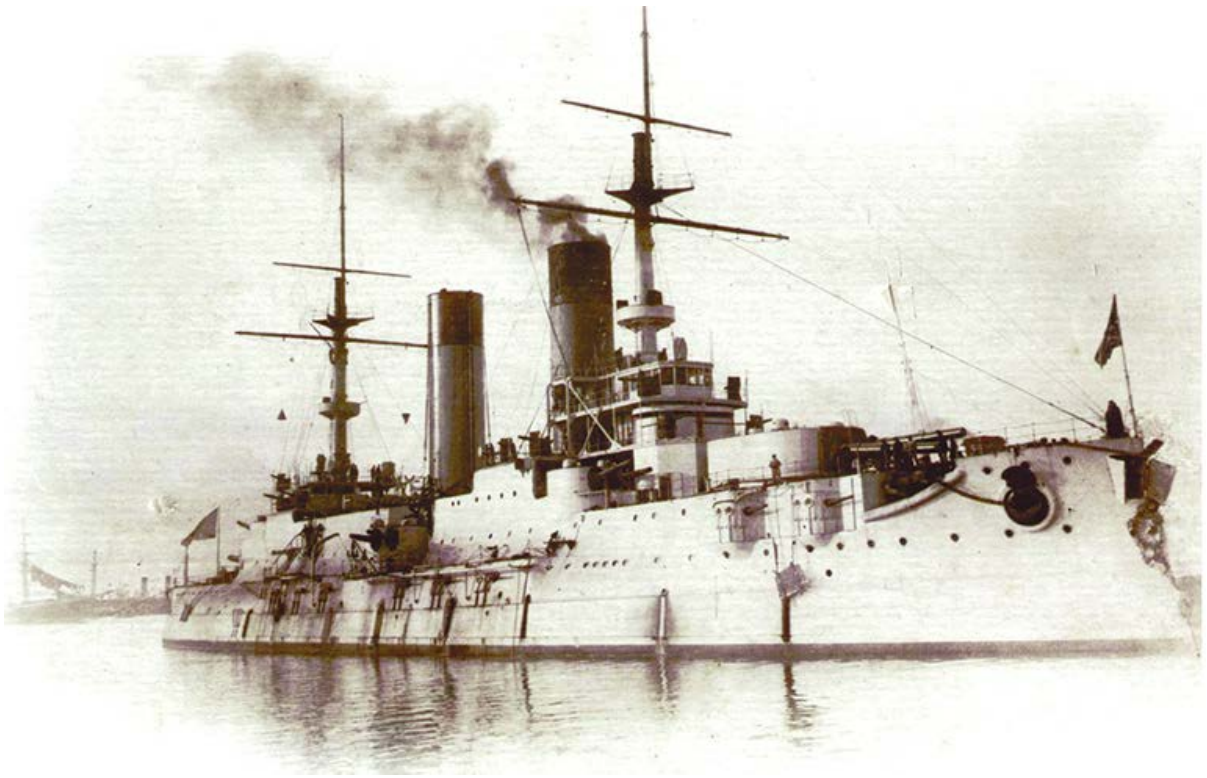
Пройдя через арктические испытания, Цусимское сражение, мировую и гражданскую войны, Коломейцев погиб в Париже: при переходе улицы в затемненном городе попал под грузовик американских оккупационных войск. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

В 1906 году в Санкт-Петербурге у Никольского собора был поставлен памятник офицерам и нижним чинам броненосца «Император Александр III», он представляет из себя красивую стелу, вершина которой увенчана державой и орлом. По четырем сторонам стелы были повешены памятные доски с фамилиями офицеров и нижних чинов, погибших при Цусиме, а также изображение броненосца, отлитое барельефом. После Октябрьской революции доски с фамилиями погибших были срублены, памятник стоял без них очень долгое время.

В 1973 году были повешены новые доски, на которых, однако, отсутствует ряд фамилий членов экипажа: поручика князя Григория Григорьевича Гагарина, поручика Эдуарда Антоновича Тотвена, младшего судового врача Бориса Львовича Бертенсона, и судового священника отца Александра Андреевича Недрыгайло.

Памятник всем погибшим на эскадренном броненосце «Император Александр III» и по сей день стоит в Санкт-Петербурге в сквере у Никольского собора.

В 1908 году в письмах «К ближним» известный дореволюционный публицист Михаил Осипович Меньшиков писал: «Ничего нет постыднее неблагодарности Отечества, и ничто так не возрождает



мужества, как пример героев. Неудача войны при нашем естественном могуществе не есть для России смертный приговор. Есть нечто худшее всяких поражений - это упадок духа, когда исчезает даже память о своем прежнем величии. Нельзя собрать костей героев со дна Великого океана, чтобы заключить их в общую братскую могилу, но можно и следует построить храм, где были бы благоговейно погребены имена их, куда приходили бы оплакивать их осиротевшие жены и дети, и где Россия могла бы, поминая их, преклонить колени. Где-нибудь на берегу Невы, среди эллингов, в центре вооружения флота, против Морского корпуса, грустный храм над водой напоминал бы многое и вдохновлял бы на многое. Нельзя жить, отрываясь от корней прошлого, а корни у нас целы. Даже в дни величайшего из ужасов нашей истории были явлены свидетельства того бесстрашия, при котором нация не умирает».

И такой храм в память павших героев моряков был построен в Санкт-Петербурге в 1911 году по инициативе адмирала Фёдора Васильевича Дубасова. В народе храм получил название Спас-на-Водах, или Цусимская церковь. В нем были высечены имена офицеров и многих матросов, погибших в годы войны с Японией, как под Порт-Артуром, так и при Цусиме, а также в составе Владивостокского отряда крейсеров. В 1932 году храм-памятник был взорван. А в 2003 году на его месте будет возведена скромная часовня.

Еще об одном герое Цусимы хочется поведать текстом статьи из «Православной газеты»: «27 мая 1905 года (новый стиль) 2-я Тихоокеанская эскадра под командованием адмирала Рожественского вошла в Корейский залив, где была встречена готовым к сражению японским флотом, корабли которого обладали большой скоростью, сильной артиллерией. Наспех сформированная русская эскадра имела слабо бронированные суда, вооруженные старыми, не дальнобойными орудиями. Командование и личный состав русских кораблей не имели должной подготовки.

Утро 27 мая было холодным. Злой, несильный ветерок пробирал до самых костей. Восходящее солнце разлило по морской ряби алую краску, что не предвещало ничего хорошего. Настоящий ад земной обрушился на русских в 2 часа дня, когда начался тот бесславный для России бой. К утру 28 мая от русской эскадры не осталось практически ничего. Русские матросы и офицеры дрались мужественно и храбро.

Фрегат «Светлана», на котором служил матросом 25-летний Максим Хомутов, получил большую пробоину от японской торпеды и, несмотря на все усилия команды, стал медленно погружаться в морскую пучину. Старший офицер подал команду: «Всем на палубу», и, когда остатки команды были в сборе, обратился с последней речью к матросам, в которой призвал не посрамить Андреевского флага, с честью погибнуть за Отечество, но не сдаться врагу. Команда фрегата «Светлана» погибла вместе со своим кораблем так же героически, как команды крейсеров «Варяг», «Дмитрий Донской».

Судьба оказалась милостивой лишь к Максиму Хомутову, обладавшему большой природной физической силой и слывшему лучшим пловцом «Светланы». Из всей команды фрегата выжил он один. Ухватившись за обломок мачты, он проплавал в ледяной воде Цусимского пролива семь часов, пока его, изможденного, не подобрали японцы. Именно тогда дал матрос Хомутов обет Богу, что если Он сохранит ему жизнь, то Максим Георгиевич посвятит ее служению Господу. «Почувствовал я тогда, - вспоминал позже отец Максим, - что будто не в воде, а по сухой земле иду, и так шел долго...»

Добравшись до дома, Максим Георгиевич исполнил обет, данный Богу во время «крещения» в ледяной купели Цусимского пролива, - и стал священником.

После войны, в сороковых годах, судьба забросила отца Максима в Красноуфимск, где в Иннокентьевской церкви он прослужил 12 лет. Прихожане постарше помнят; что основной из его добродетелей была необыкновенная доброта, желание и умение помочь всякому, кто нуждался в материальной и духовной помощи.

Цусима всю жизнь напоминала о себе: временами страшно болели ноги, застуженные в воде, ломило спину, поэтому он вынужден был носить корсет.

Пенсия отца Максима была мизерной даже по тем временам, и прожить на нее вдвоем с матушкой было невозможно (единственная их дочь умерла молодой от болезни). Но нашлись добрые люди, написали письмо в Министерство обороны тогдашнего СССР в морское ведомство с просьбой как-то помочь человеку, отдавшему России свое здоровье. Некоторое время спустя из Москвы пришел ответ, мол, подтверждается, что М.Г. Хомутов действительно является участником и героем Цусимского сражения и что к тому времени на территории Союза из участников той кампании он остался один. Военные начальники просили местные власти позаботиться о герое. Но помощь началась и закончилась единственной машиной дров, привезенной ему тогда.

Умер отец Максим бессребреником. За всю свою жизнь приобрел лишь небольшой домишко да нехитрый скарб. Он не гнался за богатством и роскошью, а всего себя отдавал людям.

Так незаметно для окружающих, не выпячивая себя, прожил земную жизнь этот необыкновенный человек, обладающий истинно русской душой с ее бескрайней добротой, доверчивостью, сочетавший в себе силу физическую с силой душевной, не растерявший веры в людей, несмотря на многочисленные испытания, не сломавшийся, не озлобившийся. Царство ему небесное! Ушел в иной мир отец Максим в 1970 году».

Цусимский обелиск в Санкт-Петербурге

(«Православная газета», № 14 (27) 1995 г.)

По данным специально созданной после окончания войны Исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904-1905 годов, общие потери Российского флота за два дня Цусимского сражения исчислялись ужасающими цифрами. Всего погибло 5046 человек, что составило более 31 % от общего числа участвовавших в сражении. Во вражеском плену оказалось около 5000 моряков. Среди пишущих на военную тему журналистов того времени сразу же после того, как эти скорбные данные были обнародованы, смаковалось довольно эффектное, по их мнению, сравнение потерь русского флота в Цусимском сражении с потерями печально известной «Непобедимой армады» испанского короля Филиппа, которая в течение трех месяцев кампании потеряла 10 185 человек.

В Цусимском сражении 14 и 15 мая 1905 года приняло участие 668 офицеров. Из этого общего количества 213 человек, что составляет почти треть от всех участников сражения, погибли или умерли от ран, полученных в сражении, 297 человек (немногим менее половины от общего числа попали в плен). Таким образом, общее количество потерь офицерского состава эскадры составило 510 человек. После сражения в строю осталось 158 человек, то есть немногим меньше четверти от всего количества участвовавших в сражении офицерских чинов.

Необходимо сказать несколько слов о мичманах так называемого «царского» выпуска 1904 года, который нередко также называют цусимским. Этот выпуск из Морского кадетского корпуса, проведенный досрочно из-за начавшейся русско-японской войны, проходил в присутствии императора Николая II и поэтому получил наименование «царского». Цусимским же его часто называют из-за того, что в осажденный Порт-Артур только что произведенные мичманы попасть уже не могли, и вследствие этого некоторые из них получили назначения на корабли Владивостокского отряда крейсеров. Подавляющее же большинство - на корабли 2-й Тихоокеанской эскадры и отряд контр-адмирала Небогатова.

Из числа царского выпуска в Цусимском сражении принял участие 61 мичман. Из них 24 человека погибли или умерли от ран, что составляет более трети от числа участвовавших в сражении мичманов царского выпуска 1904 года. Возраст этих молодых людей на момент сражения колебался между 21 и 23 годами.

Из 19 священнослужителей, прикомандированных в соответствии с имевшимися правилами к кораблям 1-го ранга, погибли семь и 10 попали в плен, но вскоре были отпущены.

Из 46 врачей, находившихся во время сражения на кораблях эскадры, погибли 13 человек, 28 корабельных врачей попали в плен, но вскоре были отпущены. Большинство остававшихся в строю офицеров-цусимцев принимали активное участие в Первой мировой войне.

Более 20 офицеров-цусимцев стали адмиралами.

Цусимская битва была последним штрихом в неудачной русско-японской войне, сделав победу в ней практически невозможной. Интерес к этому сражению по-прежнему очень велик, это и неудивительно, поскольку Цусима занимает в военно-морской истории видное место.

«Мы не уступили японцам в технике, которую так сильно критиковали русские авторы совершенно необоснованно. Многие причины ничем не обоснованы и поэтому недостоверны. Русские моряки не опозорили Андреевский флаг, сражаясь до конца, в ситуации, в которой нельзя было победить. Слава вам, герои Цусимы, мы никогда не забудем о вас!» (Г. Александровский, «Цусима».)

Б.Ю. ХАНИН,
заслуженный учитель России

Маленькое стихотворение Тютчева,
которое переворачивает взгляд на «убогую» Россию

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа -
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит
и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде
Царь Небесный
Исходил, благословляя.

1855 год. Совсем недавно умер император Николай I. Россия на пороге больших перемен. Это время горячих споров о будущем страны, время энтузиазма и больших надежд. И вдруг появляется это тихое на столь громком фоне стихотворение Тютчева. На первый взгляд может показаться, что поэт здесь просто рисует меланхолический пейзаж измученной России. Но на деле все оказывается куда сложнее - Тютчев открывает нам нечто парадоксальное, указывает на скрытый смысл там, где многие привыкли видеть одну бессмыслицу.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

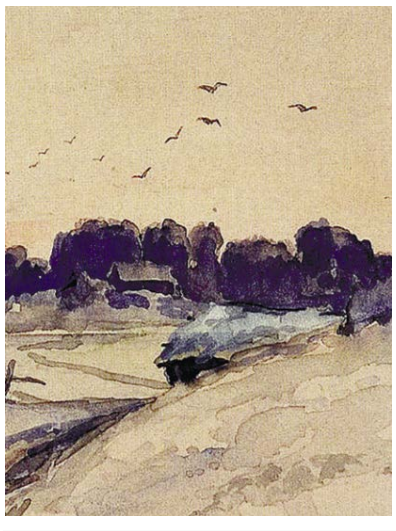
Дискуссии о «светлом будущем» России в 1855 году кипят на фоне ее очень трагического настоящего. Уже третий год идет Крымская война (1853-1856). Она досталась Александру II по наследству. Это не просто очередной конфликт с Турцией, с которой Россия прежде воевала практически каждые 25 лет. Россия противостоит самым сильным державам. Потерян Севастополь. Наблюдая за происходящим в местах сражений, многие из тех, кто помнит славную победу над Наполеоном, называют эту войну позорной. Уже меньше чем за год до ее окончания стало очевидным, что Россия будет побеждена, хотя и не разгромлена.

Тютчеву в это время уже за 50. Его дипломатическая служба - в прошлом.

Теперь он не имеет никакого влияния на политические процессы и служит на скромной должности цензора при министерстве иностранных дел. В его обязанности входит лишь чтение материалов о внешней политике в зарубежных газетах… Он давно бы ушел из министерства, если бы, как говорил сам, не был так нищ.

Задолго до начала Крымской войны Тютчев предвидел ее - по увеличивающейся волне ненависти к России, которую он чувствовал на службе за границей. И даже начал писать трактат «Россия и Запад». Но со временем понял, что его никто не услышит: «Бывают мгновения, когда я задыхаюсь от своего бессильного ясновидения... Более пятнадцати лет я постоянно предчувствовал эту страшную катастрофу».

В первые годы войны он продолжал постоянно говорить и писать о ней. Но больше уже в частных письмах. «То, что теперь началось, это не война, это не политика, это целый мір, который образуется и который для этого должен прежде всего обрести свою потерянную совесть...»



А потом вдруг замолкает в своих призывах и рассуждениях. Все становится предельно ясным. Война скоро закончится. А значит, время смириться. И начать осмыслять - то, что случилось, и путь, по которому страна будет идти дальше.

И в этот момент, летом 1855 года, Тютчев пишет важнейший текст о России - стихотворение «Эти бедные селенья…»

АВТОР

Всю жизнь Тютчев считал главным делом своей жизни именно дипломатию. Но вот парадокс: в историю он вошел именно как поэт. Хотя не стремился к этому. Первый (из всего-навсего двух) сборников его стихов вышел только в 1854 году. И то не по его инициативе. Собирал разрозненные рукописи И.С. Тургенев.

Для Тютчева поэзия не была способом кому-то что-то сказать. Он просто жил в этом потоке и записывал услышанное. А иногда и не записывал. Его старшая дочь вспоминала случай, как однажды вечером отец вернулся домой совершенно промокшим от дождя. И когда она помогала ему переодеться, услышала, что он произносит поэтические строчки. Она запомнила их и записала. А если бы не записала, мы бы и не узнали о них…

Тютчев совершенно не стремился к известности и признанию. По сути, он и не получил их при жизни.

Он не был по-настоящему воцерковленным человеком. Но вся его философия и поэзия были построены на глубочайшем и точном понимании Православия. Возможно оно передалось ему еще в детстве от прекрасных воспитателей. Один - тонкий словесник, поэт, родственник митрополита Филарета Киевского - Семен Раич. Другой - простой крестьянин, похожий на Савельича из пушкинской «Капитанской дочки» - Николай Хлопов. Он заботливо сопровождал молодого Тютчева даже в заграничные служебные поездки. И оставил, только когда воспитанник женился. При этом подарил ему Феодоровскую икону Божией Матери, написанную на заказ, с клеймами, истинный смысл которых был понятен только ему и его юному хозяину. Каждое клеймо напоминало о каком-то чудесном, промыслительном случае из жизни Тютчева. На иконе была надпись: «В память моей искренней любви и усердия моему другу Фёдору Ивановичу Тютчеву».

МИФ О «ПЕВЦЕ ПРИРОДЫ»

Для многих читателей Тютчев остается «певцом природы» - но это шаблонно-школьное восприятие скрадывает принципиально важные смыслы его поэзии. Природа для Тютчева - тот ландшафт, на котором разыгрывается отнюдь не «пасторальная» драма его мысли и чувства. Это не идол, которым он любуется, а среда, в которой он ведет свой творческий и философский поиск.

Более того, в письмах Тютчев не раз говорил, что он тяготился климатом своей родной полосы, не очень любил жить в деревне. Особенно в моменты, когда природа, казалось бы, являла себя во всем богатстве: жаркие дни с пышным цветением растений и неутомимым жужжанием насекомых.

И вот здесь - очень важный момент в его мироощущении. Там, где в природе все словно бы выставлено напоказ, где она настигает нас во всей своей красоте и изобилии, не требуя особого усилия от наших глаз и от нашего сердца, - там Тютчев не ищет откровения. Избыток жизни и избыток смерти всегда присутствуют в мире. Но настоящая, сокровенная жизнь всегда происходит где-то на грани, на пороге нашего восприятия. И внешне выглядит как некая полужизнь-полусмерть.

Без этого «ключа» к Тютчеву его важнейшие тексты так и останутся для нас некими чувственными пейзажами, мы не откроем их сложности и именно смысловой красоты.

И к стихотворению «Эти бедные селенья…» все это относится в полной мере. Давайте вдумчиво прочтем его - строка за строкой.

СКРЫТЫЙ СМЫСЛ - И СМЫСЛ СКРЫТОГО

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа…

Если бы мы попытались интерпретировать эти первые строки в традиции социальной критики, унаследованной школьными учебниками еще от советских времен, то сказали бы, что поэт обличает в них неустроенность, несправедливость жизни простого народа, через скудость природы передает скудость его существования и что-то еще в том же духе. Но в том-то и дело, что Тютчев не ведет нас по проторенным дорожкам общественно-политической мысли - он в начале стихотворения выводит нас на порог, за которым открывается совсем иной глубины реальность. Именно на порог - то самое пограничное состояние между жизнью и смертью.

В этих скудости и бедности что-то таится. И не случайно они даны именно простым людям, родившимся на этой земле, обжившим ее. Только они могут понять и заметить то, что скрыто там, где нет ни земного сокровища, ни земного рая. Тютчев долго жил за границей и видел отблески этого мнимого земного рая. Сравните:

О, этот Юг, о, эта Ницца!..
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная
птица,
Подняться хочет - и не может…

Начинается все по-другому. И заканчивается - тоже по-другому. Внешний блеск несет тяжесть душе. А внешние скудость и бедность дают возможность появиться чему-то настоящему.

Край ты мой долготерпенья,
Край ты русского народа!

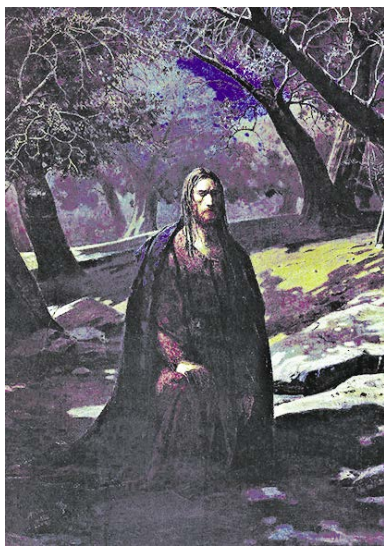
Долготерпение. Оно не может появиться там, где есть такая неприятная для Тютчева избыточная, красивая жизнь.

А еще бедность и скудость скрывают в себе некий тайный свет. На светопись Тютчева важно обратить особое внимание - в каждом его тексте можно заметить что-то, связанное со светом.

Но свет будет разным. Либо внешним, ярким, либо сокровенным, тонким, еле заметным. Этот свет - ориентир, подсказка.

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Вот он - тайный свет. Но его не заметить гордым взглядом - взором с «иноплеменной» стороны. Это очень похоже на 100-й псалом: «гордым оком, и несытым сердцем…» Око и сердце оказываются тесно связанными. Так и у Тютчева. Гордый взор не позволит впустить в сердце этот свет. И соответственно - не позволит понять, на что этот свет указывает. А указывает он на возможность встречи с Кем-то очень важным.



«Христос в Гефсиманском саду». Николай Ге. 1869-1880

У Тютчева всегда происходит это открытие - встреча. Происходит она именно на границе жизни и смерти, на пороге чего-то. И там всегда присутствуют или тихий свет, или легкое дуновение, или какая-то убогая тонкая паутинка - как знаки того сокровенного, внутреннего, что нужно разглядеть и почувствовать. Ради этого - все тютчевские пейзажи.

Оказывается, что в скудости, бедности, смиренной наготе эта встреча происходит легко. Нет препятствий. Ничто не отвлекает взгляда - а значит, и сердца - от этой встречи. Ее уже невозможно пропустить. Но с Кем встреча? Читаем дальше.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,

«Деревня зимой». Алексей Саврасов. 1890

В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

С Царем. Но почему Он такой? Почему Он здесь? Да потому что Он - такой же, как эта скромная, бедная, смиренная и долготерпеливая земля. Эта среда для Него - своя… Он воплотился и был человеком - простым, убогим, принял образ раба. Тут отсылка к Посланию апостола Павла к Филиппийцам: но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек (Флп 2:7).

То есть имеется в виду, что Христос, обладая и человеческой, и Божественной природой, не пользовался то и дело ее возможностями, а полностью испытал на Себе зависимость человеческой природы от свойств падшего мира. Он голодал, мерз, уставал, Ему было больно и страшно, Он страдал и телом, и душой. Как раб зависит от своего хозяина, Он зависел от обстоятельств места и времени. Разница, однако, в том, что раб не выбирает своей участи, а Христос добровольно принял на Себя все тяготы человеческой жизни. Тут можно вспомнить стихотворение Бориса Пастернака «Гефсиманский сад» из романа «Доктор Живаго»:

Он отказался без
противоборства,
Как от вещей, полученных
взаймы,
От всемогущества
и чудотворства,
И был теперь, как смертные,
как мы.

Таким и только таким - не больше - видели Его обладатели гордого взгляда. И это человеческое никуда не ушло от Него. Он так и остался Богочеловеком. И ноши Своей крестной не оставил. Так и продолжает ходить… Будучи Царем - в рабском виде.

По тютчевским историософским рассуждениям мы знаем, каким именно он видел будущее России. Он говорил, что Россия - прямая наследница Рима и Византии. Россия, считал Тютчев, должна быть империей. Но империей, которая живет не вульгарной имперской идеей, а идеей о Царстве Небесном. Не земном, а именно Небесном.

Но дается такая жизнь очень тяжело. Христос победил смерть через Крест. Через Крест только и Россия сможет стать Его уделом, получить Его благословение. Взять на себя и пронести этот опыт pro и contra, опыт жизни и смерти.

«Всю тебя, земля родная» - это чисто тютчевское выражение. Влюбленное, пылкое, всеобъемлющее. «Всю тебя» - это значит отдать себя без остатка, без компромисса, по-настоящему.

* * *

Без этого стихотворения невозможно воспринять всю глубину другого известнейшего четверостишия, записанного уже пожилым Тютчевым в 1866 году на клочке бумаги. Четверостишия, который знает каждый еще со школы:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать -
В Россию можно только
верить.

Только вера. Иначе ничего не поймешь. Не увидишь. А станешь гордецом, способным реагировать только на внешнее.

Мария ТРЯПКИНА,
по материалам журнала «Фома»